

*Редькина Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и процесса
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, г. Москва*

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ

***Аннотация:** статья посвящена анализу субъективной стороны и субъекта преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ. В статье указывается на возможность совершения данного преступления исключительно с прямым умыслом и обосновывается данная позиция, исходя из конструкции состава преступления. Рассмотрение такого элемента состава как субъект преступления показало, что привлечение к уголовной ответственности за захват заложника возможно с 14 лет (пониженный возраст уголовной ответственности), что, учитывая общественную опасность деликта, является социально обусловленным.*

***Ключевые слова:** захват заложников; субъект; субъективная сторона; мотив; умысел; возраст.*

***Annotation:** the article is devoted to the analysis of the subjective side and the subject of the crime under Article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article indicates the possibility of committing this crime solely with direct intent and justifies this position based on the construction of the corpus delicti. Consideration of such an element of the composition as the subject of a crime showed that criminal prosecution for hostage-taking is possible from the age of 14 (reduced age of criminal responsibility), which, given the public danger of a tort, is socially conditioned*

Keywords: hostage-taking; subject; subjective side; motive; intent; age.

К субъективным признакам исследуемого состава относят субъективную сторону и субъекта. Субъективная сторона данного преступления выражается исключительно в умышленной форме вины. При этом умысел в данном преступлении представляется нам только прямым, что обусловлено следующим.

Прямой умысел заключается в том, что преступник осознает общественную опасность совершенного им деяния, то есть он понимает, что захватывает потерпевшего, лишает его свободы реализации собственного перемещения. Кроме того, так как нормотворец закрепил в конструкции состава цель преступления, то виновный совершает преступное деяние опосредуя его определенным целеполаганием, а следовательно – понимает и осознает значение собственных действий. Он желает их совершения, так как преследует цель принуждения третьих лиц к исполнению собственной воли, выражающейся в совершении ими (третьими лицами) каких-либо действий либо, наоборот, отказе от их совершения [1, с. 14].

Таким образом, совершая вышеозначенное преступление, лицо понимает, что посягает на социальную безопасность в целом и на свободы определенного лица (либо группы лиц), выражает свою волю в совершении деяния. Воля преступника заключается в его желании достичь противоправного результата в виде исполнения его требования, что опосредуется с помощью незаконного захвата или удержания заложников, так как требования лица связаны с нарушением состояния защищенности вышеуказанных лиц. Как мы уже упоминали, сам характер требований не имеет квалификационного значения – они могут касаться предоставления определенной суммы денежных средств, предоставления оружия, транспорта, могут носить социальный или политический характер и т.п.

Так, Омским областным судом был осужден М., который с целью воспрепятствовать производству обыска в своей квартире закрылся от сотрудников милиции в комнате, блокировав изнутри двери, удерживая при этом в качестве заложника своего малолетнего сына К. Чтобы воспрепятствовать проникновению в комнату сотрудников милиции, которые пытались открыть двери, М. вставлял пальцы рук малолетнего К. в щель между дверью и косяком, образовавшуюся в результате отжима двери, создавая угрозу причинения вреда здоровью ребенка, высказывал при этом требования прекратить действия по его задержанию. Затем, желая уклониться от уголовной ответственности за совершенную им кражу, М., открыв окно и удерживая в руках ребенка, высказал требования в адрес сотрудников правоохранительных органов прекратить действия, направленные на его задержания, и покинуть квартиру, в противном случае угрожая выброситься из окна с высоты второго этажа вместе с ребенком либо выбросить из окна ребенка [2].

Таким образом, осознание опасности совершаемого деяния означает фактическое понимание характера совершаемого действия, понимание того, на какие социальные ценности осуществляется посягательство, а также фактические обстоятельства совершаемого деликта.

При этом преступник именно желает наступления преступных последствий, а, следовательно, речь может идти исключительно о прямом умысле при совершении данного деяния.

Кроме того, особенности законодательной конструкции анализируемого состава исключают возможность совершения деяния с косвенным умыслом [3, с. 89-93], так как формальный состав преступления исключает волевое содержание: сознательное допущение либо безразличное отношение к последствиям возможно в материальных составах. Конструирование состава как формального оставляет за его квалификационными границами

последствия совершенного деяния и поэтому сам по себе захват заложников совершается исключительно с прямым умыслом.

Здесь необходимо уточнить, что единственным исключением является ч. 3 ст. 206 УК РФ, где предусмотрена такая форма вины как неосторожность причинения смерти. Однако следует подчеркнуть, что в данном случае это будет преступление с двумя формами вины и в отношении самого захвата заложника вина все также будет выражаться исключительно в прямом умысле.

Мотивы совершения захвата заложника также не имеют квалификационного значения, хотя, как правило присутствуют и носят исключительно различный характер – от этнических до политических. Нормотворец в ч. 2 исследуемой статьи предусмотрел корыстный мотив в качестве обстоятельства, отягчающего преступность деяния, однако по сути это единственное исключение, когда мотив будет иметь квалификационное значение.

Цель совершения исследуемого преступления имеет квалификационное значение, так как выступает имманентным признаком состава преступления. Цель захвата заложников заключается в выдвижении требований в адрес иных лиц – государства, организаций либо же граждан. При этом, аргументом для исполнения требований преступника являются угрозы в адрес заложников, содержащие в себе информацию о возможности применения насилия в отношении потерпевшего.

То, какие именно требования выдвигает преступник не имеет значения. Это могут быть требования экономического, социального или политического характера; они могут заключаться в требованиях обмена заложников на других лиц и т.п. [4, с. 111].

Субъектов анализируемого состава является физическое лицо, находящееся в состоянии вменяемости и достигшее на момент совершения деяния 14-летнего возраста. Следует отметить, что степень общественной опасности захвата заложника настолько велика, что нормотворец снизил

возраст привлечения к уголовной ответственности за его совершение. В науке уголовного права ведется дискуссия о том, насколько целесообразно такое снижение. Полагаем, что установление возраста уголовной ответственности с 14 лет за совершение указанного деяния социально обусловлено, так как в этом возрасте лицо полностью осознает характер совершаемого деяния.

Библиографический список:

1. Побудилина П.Н. Захват заложника: уголовно-правовая характеристика // Постулат. 2017. № 10-1 (24).
2. Приговор Омского областного суда по уголовному делу № 2-9/2010 (2-65/2009) от 02.08.2010 г. [Электронный ресурс] // ГАС «Правосудие».
3. Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Уголовная ответственность за захват заложника (уголовно-правовые аспекты квалификации) // Знание. 2019. № 9-1 (73).
4. Овчинникова Г.В., Павлик М.Ю., Коршунова О.Н. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы. – СПб., 2008.